

14 ОКТ 1961

Советская культура
г. Москва

Генрих НЕЙГАУЗ

ДУХ БОДРОСТИ И ВЕРЫ

Я ЗАНИМАЮСЬ фортепьянной педагогикой очень давно. На протяжении почти полувека мне пришлось видеть, слышать и обучать множество молодых пианистов и потому нетрудно наблюдать и суммировать огромные изменения и сдвиги, которые за это долгое время произошли в облике обучающегося игре на фортепьяно пианиста.

А сдвиги колоссальные. Когда вспоминаю учеников, которых мне пришлось принять в свой класс в Тифлисскую консерваторию в 1916 г., то, прилагая к ним нынешний эталон, могу сказать, что они были и по знаниям, и по одаренности не более чем средними учениками провинциальной средней школы — исключения были редки. А сейчас Тбилисская консерватория готовит пианистов, которые получают высокие премии на всесоюзных и республиканских конкурсах (вспомним Вирсаладзе, Квернадзе, Нижарадзе...).

То же происходит везде. Можно назвать превосходных пианистов — воспитанников и Горьковской, и Саратовской, и Рижской, и других консерваторий... Игре на фортепьяно учатся сотни и сотни тысяч людей. Не удивительно, что и способных и одаренных пианистов появилось на свете в десятки, если не сотни раз больше, чем их было раньше; естественно, что и методы преподавания в связи с таким наплывом желающих играть на фортепьяно чрезвычайно изменились, усовершенствовались и продолжают совершенствоваться. Все это позволяет говорить о появлении массовой пианистической культуры. У нас множество хороших пианистов ежегодно появляется на эстраде, и все расширяется и возрастает интерес к ним большой аудитории. Можно сказать, что спрос и предложение в этой области находятся в состоянии почти устойчивого равновесия. Еще одно доказательство все возрастающего количества пианистических талантов и интереса к ним широкой публики — это постоянные конкурсы, проводимые во всех странах мира и неизменно являющиеся видным событием музыкальной жизни в той точке земного шара, где они происходят. Пианистические конкурсы — это форма отчета перед народом о состоянии пианизма в данный момент.

Можно сказать, что в наше время путь пианиста, призванного завоевать внимание аудитории, проходит обычно через следующие этапы: детская школа, затем училище, консерватория (часто также аспирантура), участие в конкурсах и, наконец, выход в свет — начало концертной деятельности, у нас в большинстве случаев сочетающееся с началом педагогической работы — сперва под руководством своих педагогов, затем самостоятельно. Таков путь большинства советских молодых пианистов, назовем хотя бы Аксельрода, Башкирова, Влащенко, Воскресенского, Доренского, Гусеву, Малинина.

МЕНЯ СПРАШИВАЮТ: что нового появилось в игре и во всем облике наших нынешних пианистов, чем они отличаются от пианистов прошлых лет? На этот вопрос ответить и легко, и трудно. Легко потому, что наша

пианистическая культура не является какой-то изолированной областью, она часть нашей общей советской культуры, и деятели ее подчинены тем же законам — политическим, нравственным и общественным, которым подчинены все деятели культуры и литературы. Мы все дышим одним воздухом. И главный, основной наш воспитатель и руководитель — это, скажем кратко, марксизм-ленинизм, наша идеология, последовательно проводимая партией Ленина во всех областях жизни. Никто не может остаться в стороне от нее. И пианисты, играющие не только современную, но и старую и старейшую музыку, авторы которой, естественно, даже не предчувствовали мирозерцания Маркса, все-таки выигрывают от знакомства с марксистской философией, ибо она дает столь глубокое и верное понимание исторических процессов, что оно не может не отразиться на понимании их в искусстве, следовательно, и на понимании пианистом того, с чем он имеет дело, потому что он всегда имеет дело с историей искусства, исполняя произведения самых отдаленных эпох наряду с более близкими по времени, вплоть до своих современников.

Я не могу в краткой статье даже приблизительно охарактеризовать те изменения, которые произошли за время революции в «интеллектуальном хозяйстве» (если позволено так выразиться) наших пианистов. Намечу только некоторые вехи. О технике можно много говорить, в данном случае я ее понимаю как продолжение и применение в нашей области греческого понятия «технэ», что у древних означало само искусство. Этот лозунг не только не потерял своего значения, но, я бы сказал, ежедневно подтверждается и по-новому обосновывается. Что долго говорить: возьмите средний технический уровень учащихся Московской консерватории в 1922 году и средний уровень сегодняшних студентов той же консерватории — разница между этими двумя «уровнями» приблизительно такая же, как между добротным плугом и современным трактором в сельском хозяйстве. Я не говорю об исключениях: они всегда были.

Большинство нынешних наших студентов оправдывают мой любимый технический лозунг, напечатанный в разделе о технике в моей книжке «Об искусстве фортепьянной игры»: играть на рояле легко (конечно, с точки зрения физического процесса, а не высших достижений в искусстве — высокое никогда не бывает легким).

Наши пианисты сейчас гораздо легче и удачнее разрешают трудные творческие задачи, чем их отцы и деды. У нашей молодежи я, кроме того, вижу больше смелости и дерзания, чем это было раньше.

Общий дух бодрости, веры в будущее, способность напрягать максимально свою энергию и добиваться удовлетворительных результатов пронизывает всю нашу жизнь, в том числе и жизнь наших пианистов.